

А. С. Пушкин «Цыганы»

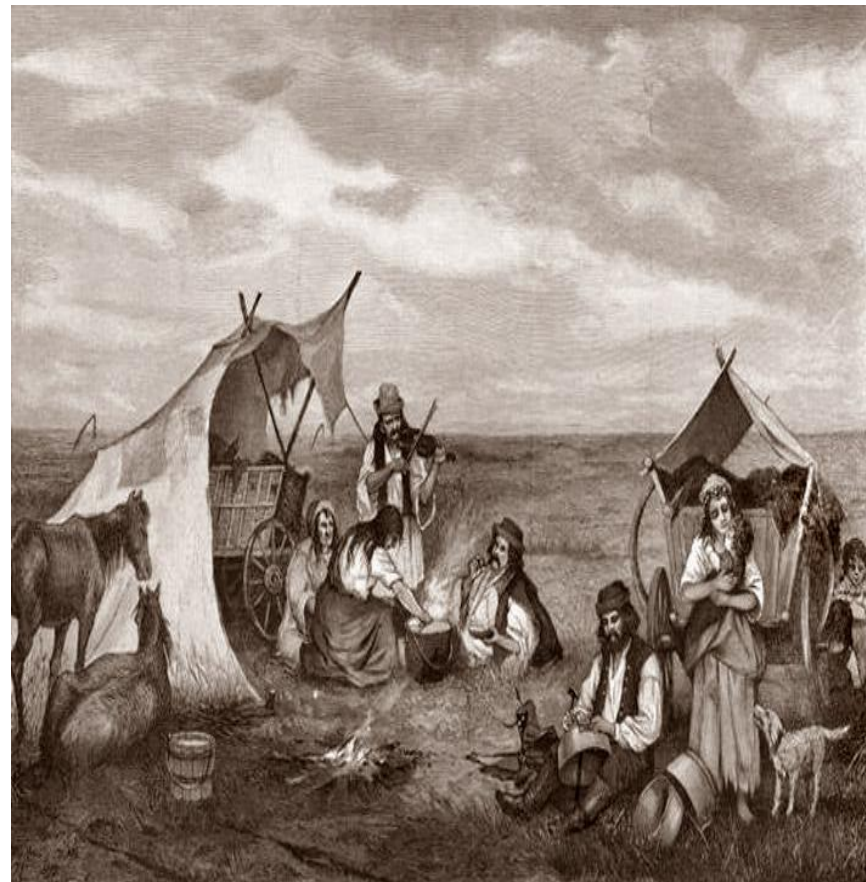

- Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.

□ Как вольность, весел их ночлег
И мирный сон под небесами;
Между колесами телег,
Полузавешанных коврами,
Горит огонь; семья кругом
Готовит ужин; в чистом поле
Пасутся кони; за шатром
Ручной медведь лежит на воле.
Всё живо посреди степей:
Заботы мирные семей,
Готовых с утром в путь
недальний,
И песни жен, и крик детей,
И звон походной наковальни.
Но вот на табор кочевой
Нисходит сонное молчанье,
И слышно в тишине степной
Лишь лай собак да коней ржанье.

- Огни везде погашены,
Спокойно всё, луна сияет
Одна с небесной вышины
И тихий табор озаряет.
В шатре одном старик не
спит;
Он перед углями сидит,
Согретый их последним
жаром,
И в поле дальнее глядит,
Ночным подернутое
паром.

Его молоденькая дочь
Пошла гулять в
пустынном поле.
Она привыкла к резвой
воле,
Она придет; но вот уж
ночь,
И скоро месяц уж
покинет
Небес далеких облака, —
Земфиры нет как нет; и
стынет
Убогий ужин старика.

- Но вот она; за нею следом
По степи юноша спешит;
Цыгану вовсе он неведом.
«Отец мой, — дева
говорит, —
Веду я гостя; за курганом
Его в пустыне я нашла
И в табор на́ ночь зазвала.
Он хочет быть как мы
цыганом;
Его преследует закон,
Но я ему подругой буду
Его зовут Алеко — он
Готов идти за мною
всюду».

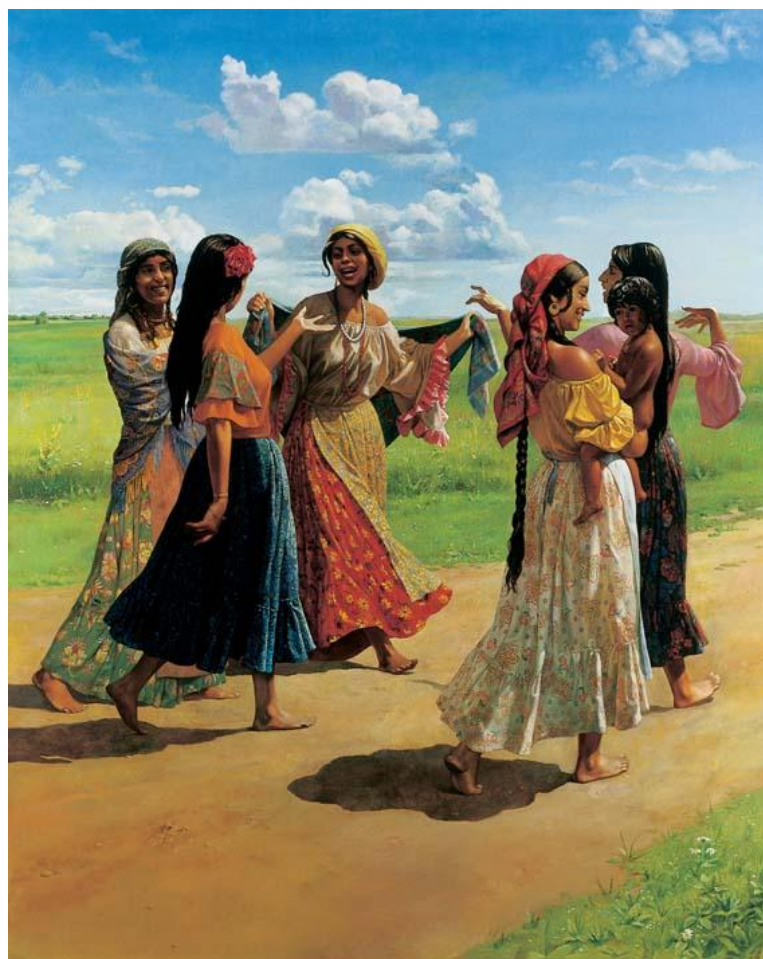
- Я рад. Остаься до утра
Под сенью нашего шатра
Или пробудь у нас и доле,
Как ты захочешь. Я готов
С тобой делить и хлеб и
кров.
Будь наш — привыкни к
нашей доле,
Бродящей бедности и воле
—
А завтра с утренней зарей
В одной телеге мы поедем;
Примись за промысел
любой:
Железо куй — иль песни
пой
И села обходи с медведем.

- Светло. Старик тихонько бродит
Вокруг безмолвного шатра.
«Вставай, Земфира: солнце
всходит,
Проснись, мой гость! пора,
пора!..
Оставьте, дети, ложе
неги!..»
И с шумом высыпал народ;
Шатры разобраны; телеги
Готовы двинуться в поход.
Всё вместе тронулось — и
вот
Толпа валит в пустых
равнинах.

□ Ослы в перекидных корзинах
Детей играющих несут;
Мужья и братья, жены, девы,
И стар и млад вослед идут;
Крик, шум, цыганские
припевы,
Медведя рев, его цепей
Нетерпеливое бряцанье,
Лохмотьев ярких пестрота,
Детей и старцев нагота,
Собак и лай и завыванье,
Волюнки говор, скрип телег,
Всё скудно, дико, всё
нестройно,
Но всё так живо-неспокойно,
Так чуждо мертвых наших нег,
Так чуждо этой жизни
праздной,
Как песнь рабов однообразной!

□ Уныло юноша глядел
На опустелую равнину
И грусти тайную причину
Истолковать себе не смел.
С ним черноокая
Земфира,
Теперь он вольный
житель мира,
И солнце весело над ним
Полуденной красою
блещет;
Что ж сердце юноши
трепещет?
Какой заботой он
томим?

- Ему везде была дорога,
Везде была ночлега сень;
Проснувшись поутру, свой день
Он отдавал на волю бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лень.

- Его порой волшебной славы
Манила дальняя звезда;
Нежданно роскошь и забавы
К нему являлись иногда;
Над одинокой головою
И гром нередко грохотал;
Но он беспечно под грозою
И в вёдро ясное дремал.
И жил, не признавая власти
Судьбы коварной и слепой;
Но боже! как играли страсти
Его послушною душой!

- С каким волнением кипели
В его измученной груди!
Давно ль, на долго ль усмирили?
Они проснутся: погоди!

Земфира

Скажи, мой друг: ты не жалеешь
О том, что бросил навсегда?

Алеко

Что ж бросил я?

Земфира

Ты разумеешь:
Людей отчизны, города.

Алеко

О чем жалеть? Когда б ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душных городов!
Там люди, в кучах за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.
Что бросил я? Измен волнение,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор.

Земфира

Но там огромные палаты,
Там разноцветные ковры,
Там игры, шумные пиры,
Уборы дев там так богаты!..

Алеко

Что шум веселий городских?
Где нет любви, там нет веселий.
А девы... Как ты лучше их
И без нарядов дорогих,
Без жемчугов, без ожерелий!
Не изменись, мой нежный друг!
А я... одно мое желанье
С тобой делить любовь, досуг
И добровольное изгнанье!

- Ты любишь нас, хоть и рожден
Среди богатого народа.
Но не всегда мила свобода
Тому, кто к неге приучен.
Меж нами есть одно преданье:
- Царем когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгнанье.
Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной
—
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный —
И полюбили все его,
И жил он на берегах Дуная,
Не обижая никого,

□ Но он к заботам жизни бедной
Привыкнуть никогда не мог;
Скитался он иссохший,
бледный,
Он говорил, что гневный бог
Его карал за преступленье...
Он ждал: придет ли избавленье.
И всё несчастный тосковал,
Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слезы проливал,
Свой дальний град вспоминая,

□ И завещал он, умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости,
И смертью — чуждой сей земли
Не успокоенные гости!

- Прошло два лета. Так же бродят Цыганы мирною толпой; Везде по-прежнему находят Гостеприимство и покой. Презрев оковы просвещенья, Алеко волен, как они; Он без забот в сожаленья Ведет кочующие дни. Всё тот же он; семья всё та же; Он, прежних лет не помня даже, К бытью цыганскому привык. Он любит их ночлегов сени, И упоенье вечной лени, И бедный, звучный их язык.

- Медведь, беглец родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
В селеньях, вдоль степной дороги,
Близ молдаванского двора
Перед толпою осторожной
И тяжко пляшет, и ревет,
И цепь докучную грызет;
На посох опершись дорожный,
Старик лениво в бубны бьет,
Алеко с пеньем зверя водит,
Земфира поселян обходит
И дань их вольную берет.
Настанет ночь; они все трое
Варят нежатое пшено;
Старик уснул — и всё в покое...
В шатре и тихо и темно.

- ▣ Старик на вешнем солнце греет
Уж остывающую кровь;
У люльки дочь поет любовь.
Алеко внемлет и бледнеет.

Земфира

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда; не боюсь
Ни ножа, ни огня.
Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

Алеко

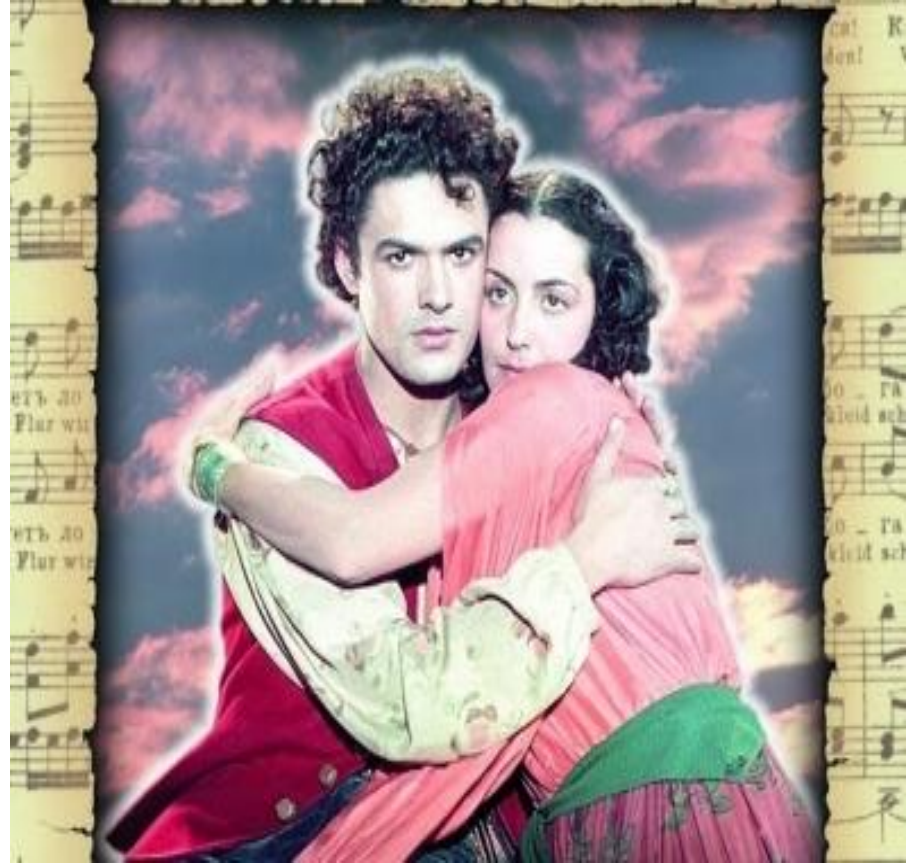
Молчи. Мне пенье надоело,
Я диких песен не люблю.

Земфира

Не любишь? мне какое дело!
Я песню для себя пою.

□ Режь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый муж, грозный
муж,
Не узнаешь его.
Он свежее весны,
Жарче летнего дня;
Как он молод и смел!
Как он любит меня!
Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда
Мы твоей седине!

Старик

О чем, безумец молодой,
О чем вздыхаешь ты всечасно?
Здесь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красотой.
Не плачь: тоска тебя погубит.

Алеко

Отец, она меня не любит.

Старик

Утешься, друг: она дитя.
Твое унынье безрассудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское — шутя.
Взгляни: под отдаленным сводом
Гуляет вольная луна;
На всю природу мимоходом
Равно сиянье льет она.
Заглянет в облако любое,
Его так пышно озарит —
И вот — уж перешла в другое;
И то недолго посетит.

Алеко

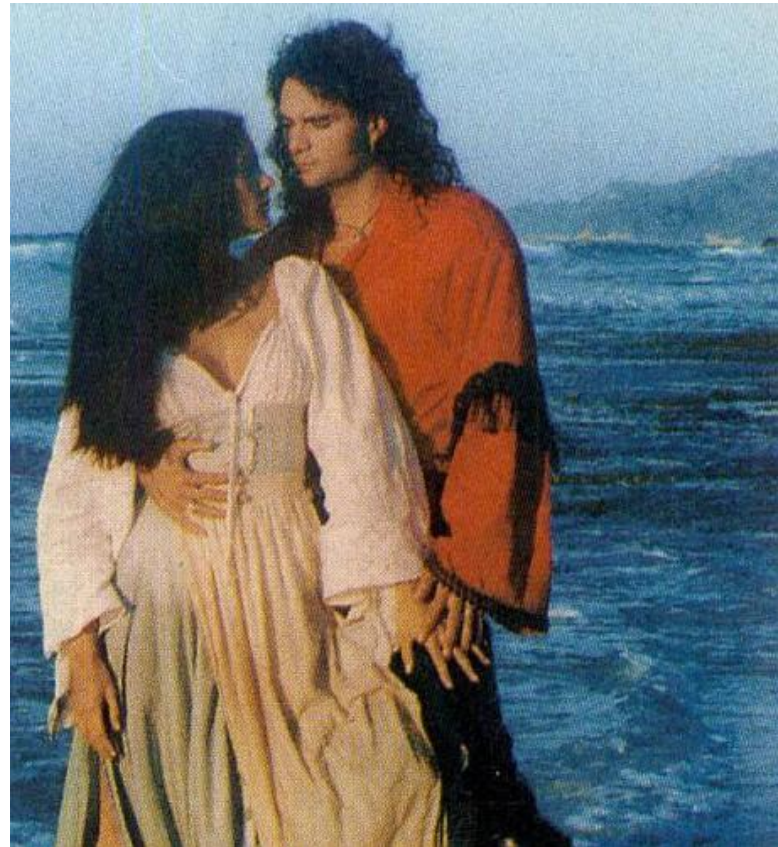
Как она любила!
Как нежно преклонясь ко
мне,
Она в пустынной тишине
Часы ночные проводила!
Веселья детского полна,
Как часто милым
лепетаньем
Иль упоительным
лобзаньем
Мою задумчивость она
В минуту разогнать умела!..
И что ж? Земфира неверна!
Моя Земфира охладела!...

Старик

Послушай: расскажу тебе
Я повесть о самом себе.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожал еще москаль —
(Вот видишь, я припоминаю,
Алеко, старую печаль.)
Тогда боялись мы султана;
А правил Буджаком паша
С высоких башен Аккермана

—
Я молод был; моя душа
В то время радостно кипела;
И ни одна в кудрях моих
Еще сединка не белела, —
Между красавиц молодых
Одна была... и долго ею,
Как солнцем, любовался я,
И наконец назвал моею...

□ Однажды близ Кагульских вод
Мы чуждый табор
повстречали;
Цыганы те, свои шатры
Разбив близ наших у горы,
Две ночи вместе ночевали.
Они ушли на третью ночь, —
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула.
Я мирно спал; заря блеснула;
Проснулся я, подруги нет!
Ищу, зову — пропал и след.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакал — с этих пор
Постыли мне все девы мира;
Меж ими никогда мой взор
Не выбирал себе подруги,
И одинокие досуги
Уже ни с кем я не делил.

Алеко

Да как же ты не поспешил
Тотчас вослед
неблагодарной
И хищникам и ей коварной
Кинжала в сердце не
вонзил?

Старик

К чему? вольнее птицы
младость;
Кто в силах удержать
любовь?
Чредою всем дается
радость;
Что было, то не будет вновь.

Алеко

Я не таков. Нет, я не споря
От прав моих не откажусь!
Или хоть мщеньем наслажусь.
О нет! когда б над бездной
моря
Нашел я спящего врага,
Клянусь, и тут моя нога
Не пощадила бы злодея;
Я в волны моря, не бледнея,
И беззащитного б толкнул;
Внезапный ужас пробужденья
Свирепым смехом упрекнул,
И долго мне его паденья
Смешон и сладок был бы гул.

Молодой цыган

Еще одно... одно лобзанье...

Земфира

Пора: мой муж ревнив и зол.

Цыган

Одно... но доле!... на прощанье.

Земфира

Прощай, покамест не пришел.

Цыган

Скажи — когда ж опять свиданье?

Земфира

Сегодня, как зайдет луна,
Там, за курганом над
могилой...

□ Алеко спит. В его уме
Виденье смутное
играет;
Он, с криком пробудясь
во тьме,
Ревниво руку
простирает;
Но обробелая рука
Покровы хладные
хватает —
Его подруга далека...

□ Он с трепетом привстал и
внемлет...
Всё тихо — страх его
объемлет,
По нем текут и жар и хлад;
Встает он, из шатра
выходит,
Вокруг телег, ужасен,
бродит;
Спокойно всё; поля молчат;
Темно; луна зашла в
туманы,
Чуть брезжит звезд
неверный свет,
Чуть по росе приметный
след
Ведет за дальные курганы:
Нетерпеливо он идет,
Куда зловещий след ведет.

□ Могила на краю дороги
Вдали белеет перед ним...
Туда слабеющие ноги
Влачит, предчувствием
томим,
Дрожат уста, дрожат
колени,
Идет... и вдруг... иль это
сон?
Вдруг видит близкие две
тени
И близкой шепот слышит
он —
Над обесславленной
могилой.

Алеко

Проснулся я.
Куда вы! не спешите оба;
Вам хорошо и здесь у гроба.

Земфира

Мой друг, беги, беги...

Алеко

Постой!
Куда, красавец молодой?
Лежи!

Вонзает в него нож.

Земфира

Алеко!

Цыган

Умираю...

Земфира

Алеко, ты убьешь его!
Взгляни: ты весь обрызган
кровью!
О, что ты сделал?

Алеко

Ничего.

Теперь дыши его любовью.

Земфира

Нет, полно, не боюсь тебя!

—

Твои угрозы презираю,
Твое убийство проклиная...

Алеко

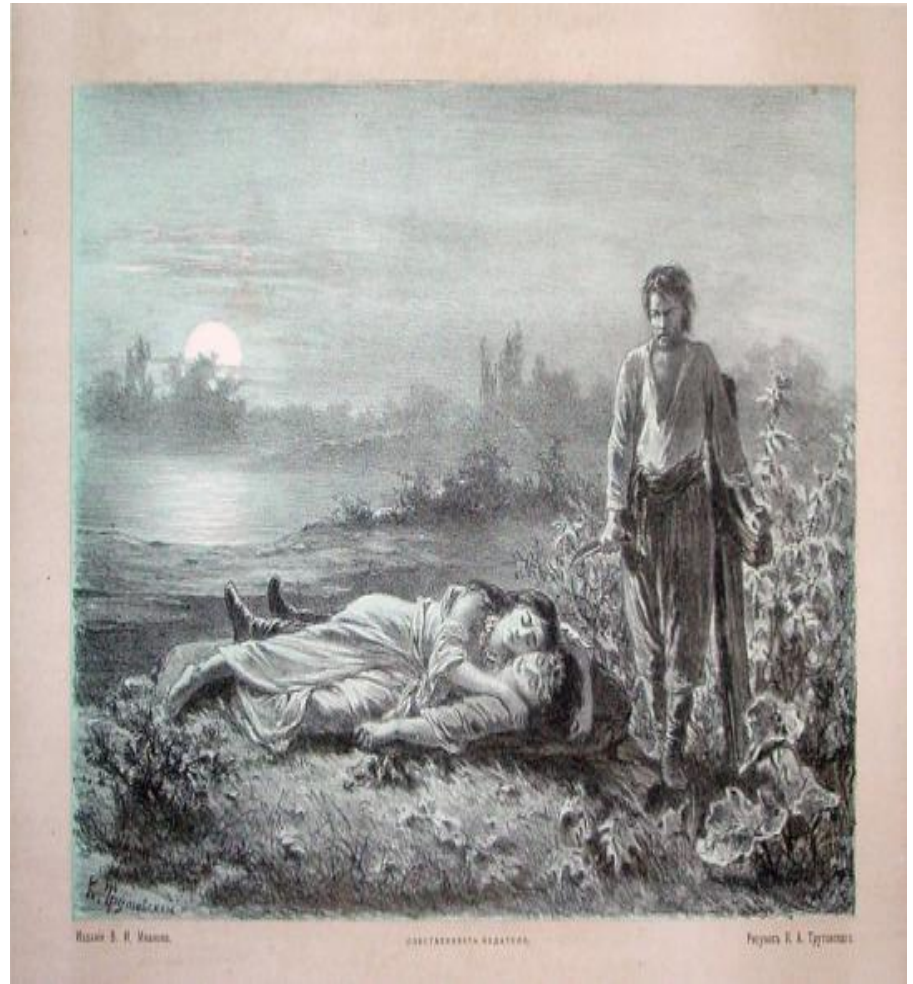
Умри ж и ты!
Поражает ее.

Земфира

Умру любя...

□ Восток, денницей
озаренный,
Сиял. Алеко за холмом,
С ножом в руках,
окровавленный
Сидел на камне гробовом.
Два трупа перед ним
лежали;
Убийца страшен был
лицом.
Цыганы робко окружали
Его встревоженной
толпой.
Могилу в стороне копали.
Шли жены скорбной
чередой
И в очи мертвых
целовали.

- Старик-отец один сидел
И на погибшую глядел
В немом бездействии
печали;
Подняли трупы, понесли
И в лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрел
На всё... когда же их
закрыли
Последней горстию
земной,
Он молча, медленно
склонился
И с камня на траву
свалился.

- Тогда старик, приближась,
рек:
«Оставь нас, гордый
человек!
Мы дики; нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним
—
Не нужно крови нам и
стонов —
Но жить с убийцей не
хотим...
Ты не рожден для дикой
доли,
Ты для себя лишь хочешь
воли;
Ужасен нам твой будет глас:
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел — оставь же
нас,
Прости, да будет мир с
тобою».

□ Сказал — и шумною
толпою
Поднялся табор кочевой
С долины страшного
ночлега.
И скоро всё в дали
степной
Сокрылось; лишь одна
телега,
Убогим крытая ковром,
Стояла в поле роковом.

■ ЭПИЛОГ

Волшебной силой песнопенья
В туманной памяти моей
Так оживляются виденья
То светлых, то печальных дней.

■ Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов,
Смиренной вольности детей.
За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы —
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.

- Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!..
И под издранными шатрами
Живут мучительные сны,
И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

